
Владимир Резник

Лошадь бледная

Первый раз я подумал, что мне пора сдаваться в дурку, ранним августовским утром тысяча девятьсот восемьдесят пятого года. Лето было не по-ленинградски тёплым и нежным. Солнце только выглянуло в узкий просвет между соседними девятиэтажками и ещё не успело полностью разогнать редкий ночной туман, цеплявшийся за чахлые деревья, что цепочкой окружали свежеекрашенные качели и горку на детской площадке. Я стоял, уткнувшись лбом в холодное стекло кухонного окна, смотрел с четвёртого этажа вниз и думал, что пора. Вот теперь — точно пора.

Я отвернулся и, стараясь не коситься в окно, достал из холодильника то, зачем, собственно, встал с постели и, держась за стенку, добрёл до кухни, преодолевая тошноту и рвотные позывы, — бидончик с холодным квасом. Отливать в стакан не рискнул и пил прямо из бидона, не закрыв дверцу холодильника. Облился, конечно, но зато пересохшая глотка наполнилась таким счастьем. Передохнул, открыл глаза и, поставив бидончик на место, осторожно повернулся к окну. Она была там. Она не исчезла.

На детской площадке, пощипывая пробившуюся через утрамбованный детишками и их суетливыми мамашами песочек редкую травку, паслась белая лошадь. Она стояла, утонув на четверть в обрывках стелющегося тумана, и, склонив голову, что-то там в этом редком киселе выискивала. Изредка она без натуги, но осторожно вытаскивала из него ногу и, игриво показав стройную бабку и копыто, как гимназистка ножку в туфельке и белом чулке, снова окунала её в туман.

Я вернулся в спальню. Жена лежала с закрытыми глазами и устало делала вид, что спит.

— Маша, — сказал я. — Там внизу на детской площадке пасётся белая лошадь. Маша, не открывая глаз, беззвучно заплакала.

— Надо сдаваться, — сквозь слёзы прошептала она.

Я согласился, мне стало легче, и я заснул. Когда проснулся, был уже полдень, нежаркое солнце отдыхало на крыше девятиэтажки, туман давно рассеялся. Маша, сидя за кухонным столом, пила кофе: какую-то там по счёту чашку. Я боязливо отвернулся от окна, и Маша, заметив это, снова попыталась заплакать, передумала и привычно принялась страдать.

— Ты пьёшь без перерыва уже третий месяц и вот дождался, вот результат: белая лошадь.

— Да ладно тебе, — вяло отбрехивался я, безуспешно пытаюсь нашарить в холодильнике пиво. — У других вон черти или крокодильчики зелёные, а тут лошадь — прекрасная, белая и загадочная, как улыбка Джоконды.

— Горячка у тебя белая, — жёстко резюмировала жена. — Вот и вся загадка. И не ползай ты по холодильнику — нет там пива!

Да я и сам знал, что нет — я его вчера вечером выпил. А зачем? И так ведь был хорош.

На работу — последнюю, с которой меня ещё не выгнали, — сегодня идти было не нужно. Я работал два через два, день был выходной, и я пошёл в магазин, пообещав Маше, что ограничусь пивом. Мамаш с детьми на площадке не было. Разъехались должно быть по дачам да курортам. Ноги несли меня мимо, но я почему-то заупрямился и, борясь с вновь подступившей дурнотой, всё-таки свернул. На том месте, где ранним утром паслась моя белоснежная галлюцинация, у самой кромки серого песка, лежало несколько крупных круглых катышей. Я сорвал лист лопуха, притаившегося в тени качелей, щепкой закатил на него один ещё тёплый шарик, и вернулся домой. Маша посмотрела изумлённо.

— Уже? Быстро ты, — она собиралась добавить любимое, — набрался.

Но я опередил и молча положил перед ней бледно-зелёный в белых прожилках лист, развернул. Она отпрянула. В кухне запахло жарким деревенским летом.

— Что это? Ты совсем рехнулся?

— Это конский навоз, Маша. Свежий. На детской площадке нашёл, перед окном. Сдача в дурку отменяется.

И довольный собой и миром, отправился за пивом. А после — искать белую лошадь.

* * *

В детстве я считал, что цыгане — не нация, а работа такая. Нации — это русские, татары, ну и евреи, конечно, куда ж без нас — это мне растолковали давно. А ещё где-то там, за пределами нашей Ойкумены, существуют зловердные англичане и американцы с пёсьими головами — тоже нации, а вот быть цыганом — это как работать фокусником или клоуном. Яркость шелестящих юбок, цветастость

платков, громкий, ненатуральный актёрский выкрик, иллюзион гадания и не-пременного шумного скандала — цирк! Кочевой цирк Шапито, звеня монистами и гремя бубнами, врвался в унылый провинциальный городишко, вихрем вовлекая, затягивая его снулых обитателей в воронку опасного и непривычного веселья.

Позже, уже в Ленинграде, в младшей школе, помню свою зависть к однокласснику, отказавшемуся идти к зубному врачу. Это были странные, межумочные времена, когда власть попыталась посадить цыган на землю, заставить вести оседлую жизнь. Им давали квартиры в новостройках, безуспешно пытались устроить на работу.

— Мама сказала, что когда зубы выпадут, она мне золотые вставит, — категорично отрезал кучерявый Славко, ходивший в школу до самой зимы босиком, а после первого снега и всю зиму — в сандалиях. И не заставили. А я уныло побрёл и с ужасом слушал из-за двери визг пыточного аппарата и вопли несчастных. Меня тогда пронесло и обошлось без бормашины, но детский животный страх и память того страха остались навсегда.

Повзрослев, я разобрался в истории и истоках. Гадать не давался, ручку не золотил и от навязчивых предложений толстой и нечистой старухи в яркой шали и пахнущих мочой юбках, вцепившейся в меня у Финляндского вокзала, подружиться вот тут в подъезде за углом с молоденькой девочкой, брезгливо отмахивался. Но тот давний налёт веселья, тот флёр непонятной, неиспробованной свободы от всего, в том числе и от многих условностей моего скучноватого мира, остался. Романтика неприкаянности, вечного путешествия, скрип кибитки, ночной костёр и лошади... да, вот откуда всё и возникло — лошади. Вот где следовало искать её — мою белоснежную чудесную галлюцинацию, оставившую ранним летним утром такие весомые и остро пахнущие следы на сером песке детской площадки.

* * *

Несмотря на будний день, все постоянные члены клуба были на месте — в зассанном закутке между пивным ларьком и боковой стеной магазина. Мужскую компанию скрашивали две синюшные дамы, удивительно похожие друг на друга, с одинаковыми визгливыми голосами, и даже жёлто-фиолетовые следы от сходящих синяков на их опухших, отёчных лицах были одинаковой формы и расплзались в тех же местах. Одну звали Дашкой, другую Нюшкой, как их различали, не знаю. За тощие, скрученные и сизые, в варикозных венах ноги таких обычно называли в городе «цыплятами по рубль пять», и более жалких созданий я в жизни, пожалуй, и не встречал.

С двумя плохо вымытыми нашим утренним «ангелом» — пышной «тётей Жанной» — кружками, я пристроился на выступе магазинного фундамента, смахнул остатки рыбьей чешуи и, чтобы Машка не ругалась из-за засаленных

брюк, подложил под себя загодя прихваченную из соседского почтового ящика газету. Первую кружку выпил залпом и быстро ухватил вторую, потому как к ней уже потянулся Соловей — завсегдатай клуба, распухший от непрерывного пьянства бывший кумир местных мальчишек — тогда ещё подававший надежды хоккеист. Давно выгнанный из команды и с работы Соловей перебивался случайными приработками и тем, что выпрашивал или приворовывал, или просто выпивал оставленное на мгновение без присмотра — хоккейная реакция помогала. Бит был за это не раз, но в том сумрачном тупике сознания, где он существовал, наказание, видимо, воспринималось им лишь как двухминутное удаление на штрафную скамейку.

Сохранив пиво, я закурил и стал обдумывать, как бы мне выведать у собравшихся что-то полезное. Задать сразу вопрос о том, не видел ли кто белую лошадь, отпадал. Мне тут же и про лошадь расскажут, и про крокодилов зелёных — все повеселятся от души. Так что зашёл я издалека.

— Черти что в районе творится! — энергично изобразив возмущение, сказал я. — Пройти не возможно, чтоб в дерьмо не вляпаться.

На меня посмотрели с недоумением, и я подумал, что начал не слишком удачно. Большинство из присутствующих не задумываясь снимали при первой необходимости штаны в парадных, в парках и просто в любых укромных местах, и мой выпад их явно удивил. Но отступить было поздно, и я развил тему в нужную мне сторону.

— Вышел сейчас перекурить на детскую площадку во дворе, — продолжил я и вздрогнул, ощутив нелепость сказанного. Впрочем, слушателям моим в этой фразе ничего странным не показалось, — а там конский навоз лежит! Целая куча! У нас тут что — дикие лошади в районе завелись?

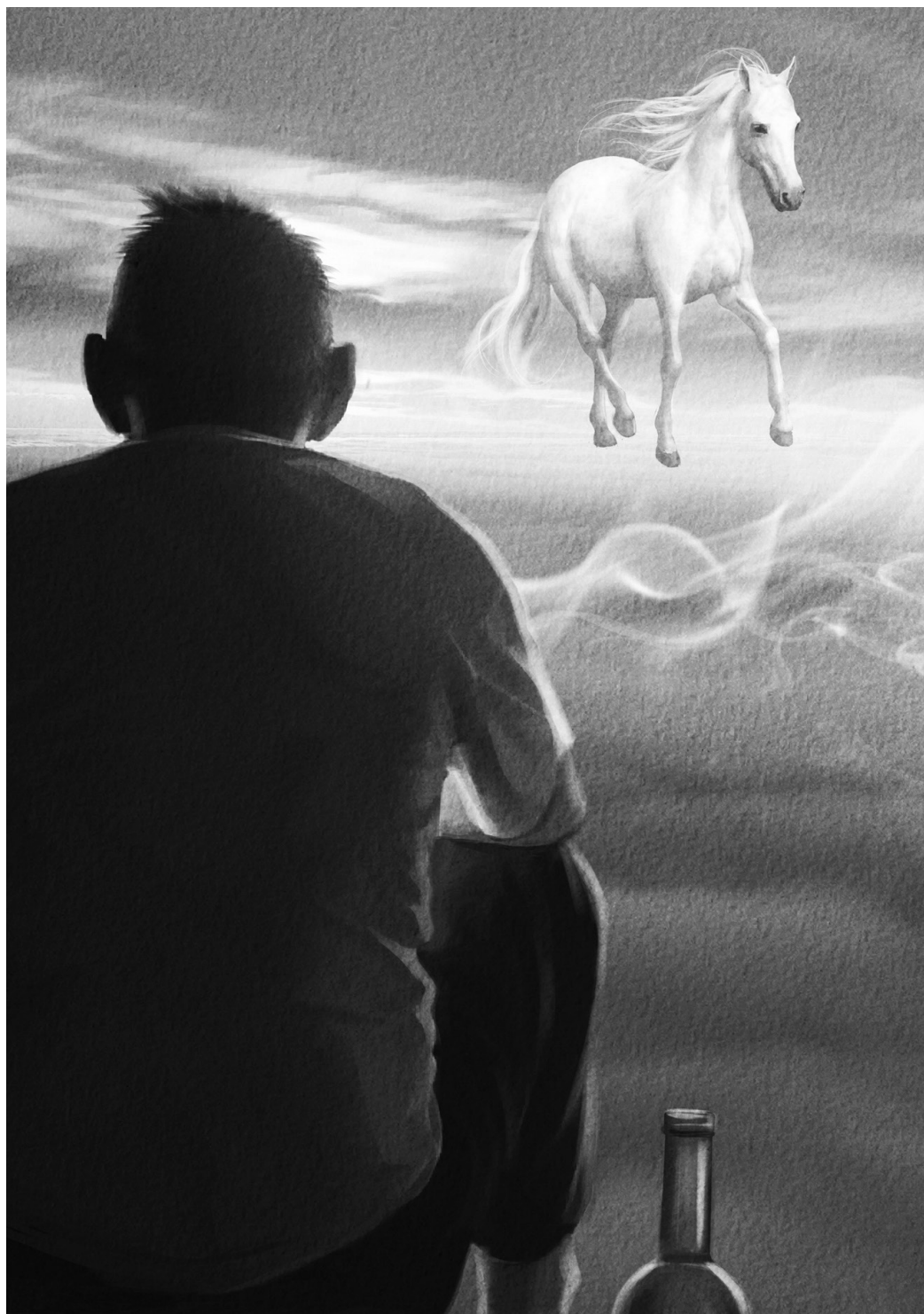
Завсегдатаи, поначалу было встрепенувшиеся в предвкушении новой и интересной темы, заскучали, занялись своими нехитрыми делами, и лишь один — чистенький прилизанный пенсионер по кличке «Старикашка Эдельвейс» — откликнулся на мой зов. Кто из этой невежественной братии мог дать ему такое прозвище? Точно — не я. Но ведь кто-то из них, значит, читал на тот момент ещё запрещённую «Сказку»? Кто-то ведь метко припечатал старого стукача-рационализатора непонятным большинству именем, что так и прилипло к нему до самой его скорой смерти в пушистом январском сугробе?

— Так цыгане это, милоч. Они лошадей и держат. А утречком, пока все спят — выгуливают.

— Да какие тут у нас цыгане, — хмуро отозвался я, замерев от предчувствия удачи. — Что у нас тут — табор шатры раскинул?

— Да, табор, — засуетился Эдельвейс. — Только не такой, что был раньше, при царизме. Не пушкинский. Никаких тебе Алеко и всей прочей лирики.

— О, как, — мелькнуло у меня. — А Эдельвейс-то не прост.

— Квартиры у них теперь тут — в шестнадцатом доме. То ли получили они их все вместе, то ли купили, но да, целый табор теперь здесь обитает. Хитрый они народец, — продолжал сплетничать старикашка, но я уже не слушал. Я выяснил всё, что мне требовалось.

Не торопясь допил пиво и отправился на встречу с моей белой лошадью.

* * *

Но не сразу пошёл.

А решил сначала заглянуть к давнему приятелю, Игорьку, что жил как раз напротив того шестнадцатого номера, о котором Эдельвейс и поведал. Может, что-то ещё важное у него узнаю, а заодно и перекушу, а то после пива у меня аппетит разыгрался. Не люблю я, правда, к нему заходить. И не потому даже, что, как выяснилось недавно, переспал он с моей Машкой — добрые люди всегда найдутся, чтоб нашептать. Нехорошо, конечно, но мне и претензии предъявлять как-то неловко — я то с его Катькой не раз загуливал — а вот не люблю заходить и всё тут. Что-то в атмосфере его квартиры мне не нравится — пахнет, что ли как-то не так...

Посидели мы на кухне, пачку магазинных пельменей с уксусом и сметаной под разговор и принесённый мной портвейн, не торопясь, съели. Семья у него на даче загорает, а сам Игорёк под предлогом срочных неотложных дел всё лето в городе торчит — всем, что под руку попадается, спекулирует помаленьку, пьёт да женщин всяких домой водит — Машки моей ему мало, говнюку.

Вот он мне всё про цыган, что недавно поселились в соседней пятиэтажке, и рассказал. И впрямь — табор не табор, а три квартиры заняли — и все в одном подъезде. Вот, думаю, там прочим жильцам веселье.

— А что — и лошади у них есть? — спрашиваю.

— Сам я не видел, — отвечает, — а соседи рассказывали, что пасли цыганята рано утром коня. Рыжего такого — чуть ли не красного.

— А белой лошади там не было? — замираю я.

— Да не знаю я. Что услышал, то и передаю. А что тебя вдруг белая лошадь заинтересовала? — и так подозрительно на меня уставился. — Коней разводить надумал?

Он, Игорёк, у меня всегда, всё наше долгое знакомство что-нибудь привороывал: то идеи всякие — как денег заработать (и сам без меня делал), то книжки без спроса брал, и Машку вот...

— Нет, — говорю, — мне для других целей. Для сексуальных утех.

Поржали. Допили остатки, и засобирался я дальше идти. Да и он меня уже выпроваживать стал, на часы поглядывать и к дверям подталкивать. Свиданка у него, похоже, намечена.

— Да, и вот ещё что, — задержался я у выхода. — Вот что ещё я хотел...

— Что? — спрашивает.

— А вот что, — и раз ему в рыло.

Ну и он тут же — реакция-то у него ещё с зоны осталась — мне в нос заехал и лишь после как завопит:

— Ты что, — орёт, — охренел? С чего вдруг завёлся?

— Да просто так, — отвечаю. — Порыв душевный у меня такой образовался, внезапный.

И впрямь — с чего это я? Может, и вправду, пахнет у него как-то не так...

* * *

Подъезд, где цыгане живут, я нашёл сразу — там не ошибёшься. На скамейке у дверей старуха сидит в платке цветастом, юбках пёстрых, вокруг трое цыганят с воплями носятся, а один, совсем маленький, шалью к ней примотан. Внуков, видать, выгуливает бабка. А может, и правнуков — кто их разберёт.

— Здравствуйте, — говорю, — уважаемая. Мне бы со старшим вашим переговорить надо.

Посмотрела пронзительно, с прищуром, ухмыльнулась.

— Со старшим? А может, я тебе, брильянтовый мой, чем помогу? Я ведь тоже не из младшеньких.

— Спасибо, — отвечаю, но мне бы...

— Вижу, вижу. Дело у тебя важное — забота тебя гложет, да зря ты её слушаешься. Ну, хозяин — барин, — и уже кучерявому пацанёнку постарше, лет шести — Гожо, проводи гостя наверх.

Сопливый замурзанный цыганёнок оторвался от поиска червяков в клумбе, неторопливо вытер руки о штаны и посмотрел на меня оценивающе. Ничего интересного не обнаружил и молча рванул в подъезд. Я едва поспел за ним. Старухино «наверх» оказалось невысоко. Все три цыганские квартиры находились на первом этаже. Кто жил в четвёртой, не знаю, но я ему посочувствовал.

— Мамка, тут козёл какой-то. За водкой, наверно, пришёл, — завопил наглый пацан, без звонка ломанувшись в одну из дверей. Там, собственно, и звонить-то было не во что — звонок вырван с мясом, а оголённые провода угрожающе высывали раздвоенное жало из неровной дыры в стене.

Я собрался было вяло возмутиться такой беспардонности моего провожато-го, но тут из полумрака узенького коридорчика, откуда тянуло сладковатым дымом и тёплой затхлостью, появилась она. И у меня дыхание перехватило. Ну, что мне пытаться описывать цыганскую жгучую красоту, кто не делал этого, с кем в соревнование вступать осмелюсь? Не встречал я такой красоты до того и вряд ли ещё увижу. Стою, молчу, плююсь, даже «здрасте» не промычать.

— Какая водка? — не сердито, а удивлённо так спрашивает. — Что магазин уже закрылся? Так рано ж ещё.

— Да я вовсе и не затем, — мямлю и с ноги на ногу переминаюсь. — Не за водкой я.

— А что ж тогда тебе, красавчик, надо? — и так насмешливо это сказала, с такой издёвкой, что любовь моя сразу вся и улетучилась. Не нравится мне, когда красивые женщины надо мной смеются.

— Со старшим поговорить надо, — буркнул. — Дело есть.

Стою насупившись, вижу, что неловок и смешон, а поделатъ ничего с собой не могу — ступор какой-то напал.

— Вот как, — издевается уже, мерзавка. Видит ведь, как оторопел я, понимает всё — и куражится. — И как доложить о вас прикажете? По какому вопросу?

Я уж рот открыл, чтоб грубость сказать, да к счастью моему из глубины квартиры, невидимой из коридорчика, прилетел мужской голос — глубокий такой, сильный, властный.

— Кто там, Джаелла?

— Да парень какой-то, Лойко. Старшего видеть хочет. Дело, мол, у него, — насмешливо, повернув вполоборота голову, так, чтобы я мог видеть её чётко прорисованный на фоне тёмного коридора профиль, с прямым тонким носом, нежным подбородком с ямочкой и длинными жёсткими ресницами, звонко отозвалась она.

— Ну, так проводи. Негоже гостя в дверях томить, — повелительноскомандовали из темноты.

Скривилась ведьма, а со старшим спорить не положено, не то, что у нас. Мотнула недовольно головой, да так, что чёрные блестящие волосы из под платка волной выплеснулись, и молча вглубь указала — проходи, незванный.

* * *

Посмотрел Лойко на меня, на кровь, в носу подсохшую, на пятна на рубашке, покачал седой копной и на пол молча указал — садись, мол. А куда ж ещё? В комнате ни одного стула, да и вообще мебели никакой. В центре лист железный закопчённый (не врут, значит, сплетники), а вокруг него ковры да коврики разбросаны. Сам Лойко на ковре, подушками обложенный, что твой падишах, сидит и на меня снизу вверх с любопытством поглядывает, даже не встал хозяин. Да и то верно — что перед каждым алкашом вскакивать?

Сел я, кряхтя, на коврик напротив него, ноги кое-как под себя подтянул.

— Так что за дело привело тебя к нам, человек? — сразу начал, без предисловий. Ни выпить гостю не предложил, ни имени не спросил. Сидит, подобрав под себя ноги: большой, грузный, мощный. Сам в фиолетовой рубашке с большим

воротником и с вышивкой (никогда таких в продаже не видел — на заказ шита) в брюках чёрных, отглаженных — даже сидя стрелка видна, и босиком.

Открыл я рот, да и растерялся. А и впрямь — какое у меня дело, кроме чистого любопытства: была та белая лошадь, или такая сложная галлюцинация у меня случилась от пепсикольного концентрата на спирту, которым мы вчера день заканчивали? Вот как мог и изложил. Развеять сомнения, мол, пришёл. Не их ли лошадь?

Вздрогнул Лойко. Подобрался. Напрягся.

— Белая? Уверен? А точно лошадь, или, может, конь?

— Да точно белая, а уж кто — я и вблизи-то не сразу отличу, а уж с четвёртого этажа и с похмелья...

— Верно говоришь, — усмехнулся хозяин, задумался и вдруг закричал что-то гортанно, по-цыгански, должно быть.

Тут из двери, ведущей в соседнюю комнату, ещё один цыган выскочил, постарше, морщинистый весь, лысый сверху, а по бокам длинные волосы до плеч, и начали они с Лойко что-то бурно обсуждать, руками размахивать и на меня показывать. Поговорили они так, и старик этот шустрый в другую дверь ускочил, в ту, что на улицу ведёт. Тут Лойко снова что-то прокричал, и на крик этот появилась теперь уже та красавица, что в дверях меня неласково встретила. Только теперь была она само радушие. Поднос надраенный с графином запотевшим, рюмки хрустальные, огурчики нарезанные, лук зелёный, хлеба ломти — всё быстро расставила перед каждым, налила, поулыбалась и исчезла. Вот, думаю, выучка! Как бы мне Машку так выдрессировать?

— Ну, что ж, вестник, давай выпьем за встречу, — поднял Лойко рюмку. — За начало.

Не понял я, но решил сначала выпить, а уж после вопросы задавать. Но выпытывать и не пришлось. Лойко сам начал.

— Не удивляйся. Сейчас всё расскажу. Должен рассказать. Так завещано.

Не сразу начал, помолчал, подумал, налили ещё, закусили, тогда лишь заговорил.

— Вот вы, евреи, избранным народом себя считаете. Может оно и так, да вот и у нас своя избранность имеется.

— А с чего это ты решил, что я еврей? Разве похож? — удивился я без обид.

— Не похож — подтвердил Лойко. — Да только у тебя в глазах вся грусть тысячелетняя, да ещё и любопытство неумёное. Ну, сам подумай: кто ещё, увидев с бодуна под окном белую лошадь, пойдёт искать по району свою похмельную галлюцинацию?

Я налил ещё, подумал и согласился.

— У вас свои обязательства перед Всевышним, а у нас свои, — продолжил Лойко. — Вы книгу главную храните, свои заветы блюдёте. А наша задача — коней наготове держать. Четырёх. Мы вот красного обхаживаем, чтобы всегда сыт был да здоров, а как стареть начнёт, то смену ему растим. Другой наш клан — чёрного, ну и прочие — кому какие поручены... Да вот только не знаем мы, у кого какие кони, и знать не должны, и собираться вместе нам заказано. Для того и по свету рассеяны, и скитаемся тысячи лет, не зная покоя. Всё должно само в нужный момент случиться. Ну, это для нас — само, а на деле, все судьбой сверху управляется.

Задумался, помолчал. В пальцах холёных рюмку искрящую повертел.

— А за службу такую и плата полагается — знание будущего нам дано — потому мы тысячи лет лучшими гадателями и славимся. Но только чужую судьбу видим мы. А своя, цыганская для нас закрыта.

— Так а я-то тут при чём, Лойко? И почему вестник? — не выдержал я.

Укоризненно посмотрел хозяин.

— Я думал, ты быстрее сообразишь, — дотянулся до сигарет, закурил, перебросил пачку мне. — Нет у нас белого коня. Только красный. И в округе этой других цыган нет, и коней не было — это я точно знаю. У нас с территорией строго. И если он появился — значит, скоро начнётся.

Посмотрел на моё изумлённое лицо, усмехнулся.

— В наших преданиях сказано, что весть о скором начале принесёт случайный путник, не знающий о своём предназначении, и будет он из такого же гонимого народа. Всё сходится. Кони начинают собираться вместе. Скоро и Чёрный, и Бледный, на котором Смерть поедет, явятся, значит, начали печати с Книги снимать. А что дальше случится, ты и сам знаешь. Вижу, парень ты грамотный — уже догадался.

Допили мы молча. И распрощались. Красавица Джаелл проводить меня не вышла.

По дороге к дому я зашёл в магазин. Взял бутылку себе и сухого для Машки.

И пошёл готовиться к концу света.

Готов.

Жду.

Владимир Резник. Родился в Сибири в 1959 году. Рос в Ленинграде. Окончил Политехнический институт, сменил десяток профессий: от инженера-конструктора до кочегара банной котельной. Писал «в стол». В 1994 году выехал в США. Живёт в Нью-Йорке. Публиковаться начал с 2016 года. В журналах «Этажи», «Чайка», «Семь искусств», «Заметки по еврейской истории», «Мастерская», «Кругозор» вышло больше трёх десятков рассказов. Изданы: сборник «Славута и окрестности», роман «Седьмой от Адама». Две детских повести вышли на русском и английском языках.